

овладения языком постоянно корректирует и дополняет полученные им через наглядные «дефиниции» знания семантики слов [26, § 6]. (Витгенштейн, видимо исходя из подобных фактов, предлагает заменить термин «остенсивное определение» термином «остенсивное обучение словам».)

Таким образом, остенсивное определение даже в случае типичных имен чувственно воспринимаемых объектов (скажем, цветообозначений) может быть только вспомогательным средством дефиниции, помогающим мысленно восстановить действительное значение слова и сочетающимся, например, с включением в определение упоминания об эталонном для данного цвета объекте (см. ниже).

Представляет интерес также эксперимент Дж. Брунера, в котором исследовались способы классификации объектов детьми. Было обнаружено три способа символического отношения объекта к группе. Первый способ — наглядный. Это просто указание на объект отношения. Второй способ — словесное обозначение — состоит в навешивании словесного ярлыка, что заменяет указующий жест или сопровождает его. Третий способ более сложный; он состоит в использовании обозначения в составе законченного предложения [27, с. 348]. В результате исследования выяснилось, что первый способ классификации занимает очень незначительное место по сравнению с другими (частота его встречаемости определяется степенью усвоения письменной формы языка).

Предполагая теперь, что семантический чувственный образ способен быть лишь единичным, но не общим. В таком случае, однако, трудно было бы объяснить ограниченность использования указательных жестов для определения значения слова или классификации объекта.

Очевидно, что если в сознании существует единичный образ объекта какого-либо класса, то он далеко не всегда имеет сколько-нибудь длительное (даже потенциально) существование. В человеческой психике в подавляющем большинстве случаев не представлен постоянный образ, скажем, отдельной розы, стакана, спички. Подобные образы тесно связаны с ситуацией непосредственного (актуального или недавнего) восприятия объекта. Если принять, что элементом семантики слова может быть только такой образ, становится непонятным, например, тот факт, что в описанном эксперименте большинство носителей языка использовало развернутое словесное обозначение типа «Эта вещь красная». Указание на предмет вполне могло бы стать аналогом единичного чувственного образа, способным породить единичный же образ у другого из общающихся.

Ценные наблюдения, относящиеся к особенностям «преломления» чувственного в семантике слова, были сделаны А. Вежбицкой. Исходя из словарной практики, она сумела дать обобщенные определения, интуитивно вполне приемлемые для носителей языка, большому числу цветообозначений. Ср.: *красный* — цвет, мыслимый как цвет крови; *зеленый* — цвет, мыслимый как цвет травы; *голубой* — цвет, мыслимый как цвет неба (во время солнечного дня) [28]. Новизна данных определений по сравнению с установившимися словарными дефинициями типа «*красный* — имеющий цвет крови» состоит в том, что в них включен метаязыковой элемент, «мыслимый (как)» (thought (of)). Действительно, цвет, что можно определить в качестве «красного», не всегда обладает цветом крови; сам цвет крови имеет ряд существенно различающихся оттенков. Как замечает Вежбицка, предложенные определения представляют собой не инструкции по отождествлению различных цветов. Их цель — отразить психологическое содержание определяемых слов. Усвоение значения подобных лексем, таким образом, предполагает обобщение цветового материала, формирование общего представления.

Единство чувственного и понятийного в языке может обосновываться и через рассмотрение других языковых фактов — например, случаев возникновения метафоричных «наглядных» смыслов у обозначений отвлеченных понятий и ненаблюдаемых объектов, ср. анализ «лексикки невидимых